

Н.Е.ТИХОНОВА,
кандидат философских наук, РНИСИНП,
Н.М.ДАВЫДОВА,
кандидат философских наук, РНИСИНП

Русский этнос: региональные особенности менталитета

Вопрос о будущем России тесно связан с судьбами русского этноса. В то же время его структура и противоречия между различными его составляющими не привлекают пока широкого внимания. Среди наиболее распространенных взглядов в этой области можно назвать берущее свое начало с досоветских времен выделение "южного" и "северного" субэтносов и противопоставление Москвы всей остальной России (в соответствии с присущим империи разделением на метрополию и провинцию). Более поздние исследования в основном касаются региональных особенностей.

В то же время, заметные различия менталитета региональных общностей в составе русского этноса позволяют по крайней мере ставить вопрос о входящих в него субэтносах. Причем субэтносах, не совпадающих с традиционным делением на "южных" и "северных" русских. Так, в ходе мониторингового исследования ценностных ориентаций россиян, проводившегося Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (руководитель проекта — Тихонова Н.Е.) в течение 1992—1995 гг., очень четко проявилась самобытность по крайней мере трех региональных общностей — Москвы, Юга России и Приморья.

Говоря об особой ментальности населения этих регионов, мы имеем в виду два основных блока проблем. Первый из них можно условно охарактеризовать как социально-политический. В него входит значимость свободы, ее понимание, отношение к нормам закона, готовность их соблюдать, отношение к непосредственному руководству и власти вообще, уровень агрессивности и т.п. Второй блок, который условно можно назвать мировоззренческим, включал распространенность эгалитаристских настроений, уровень патерналистских ожиданий, способность к инициативным действиям, распространенность конформистских ориентаций, отношение к социальному неравенству и "новым русским" и т.п.

Итак, в чем же — с учетом перечисленных выше показателей, проявляется самобытность ментальности населения Москвы? Прежде всего в том, что жители Москвы демонстрируют максимальное принятие демократических идеалов. Здесь наиболее широко распространены ориентация на собственные силы и инициативный тип мышления, а ценностные системы носят индивидуалистический характер, близкий западному менталитету. Для Москвы характерно неприятие жесткой тоталитарной модели власти по типу "второго Сталина". Ее жители настроены скорее на развитие страны по пути рыночной модернизации. В Москве велика значимость ценности свободы, которая в последнее время растет (в 1994 г. свободу предпочли материальному благополучию 53,1% опрошенных, в 1995 г. — уже 75,2%).

Шире, чем где бы то ни было по России, в Москве распространено понимание свободы как набора политических прав граждан (28,3% при 15,8—16,4% по Югу России и Приморью). Неудивительно, что показатель важности демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни не ставится под сомнение большинством населения Москвы. Москвичи в большей степени, в сравнении с другими регионами, отстаивают свободу средств массовой информации. Возможно, такое понимание свободы как набора политических прав связано с тем, что москвичи в гораздо большей степени, чем жители других регионов, ощущают себя способными оказывать влияние на происходящие события (31,1% при 14,5% — 11,7% в двух других регионах).

Скептически настроены москвичи в отношении социалистического периода в жизни России. Несмотря на ощущаемую примерно 70% опрошенных потребность в лидере, который сумеет навести порядок в обществе, москвичи дали довольно жесткую оценку деятельности Сталина — 44,3% оценили ее резко отрицательно (по всему массиву — 35,2%), а свыше 50% признали, что режим "отца народов" сопоставим с фашистским. Возможно, это связано с тем, что в Москве 43,4% (массив — 30,7%) опрошенных указывают, что они сами или их родственники пострадали от произвола и репрессий, имевших место после 1917 г. Кроме того, 25% населения Москвы считают, что

нынешняя нестабильность и трудности спровоцированы "социалистическим" опытом развития страны (в отличие, например, от жителей Воронежа, где таких всего 4,6%).

Москвичи лучше знают, какой тип общества они отвергают и какой хотят получить в результате рыночной трансформации. Тип их ментальности характеризуется стремлением к равенству возможностей, интересной работе, возможности быть яркой индивидуальностью. Сравнительно мало распространены в Москве ориентация на материальные ценности, конформизм и патерналистские настроения. В случае еще больших лишений большинство (58,4%) выбрали бы активно-конструктивные формы действий. Активно настроена и та часть населения, которая исчерпала свой ресурс терпения и адаптации. В сентябре 1995 г. 14,3% опрошенных были готовы в случае дальнейшего ухудшения их жизни выйти на баррикады (по массиву — всего 6,5%). Очевидно, здесь сказался опыт августа 1991 г. и октября 1993 г.

Отношение москвичей к закону вообще и нынешней власти в частности можно охарактеризовать как правовой нигилизм. Тех, кто уже сегодня готов соблюдать даже устаревшие законы, насчитывается 34,5%. Подавляющая часть опрошенных — 70,8% (при 58,7% в среднем по России) не считают обязательным подчинение вышестоящему руководству, в случае, если они с ним не согласны.

Возможно, специфика Москвы связана с тем, что она является своеобразным "городом шансов" и одним из наиболее динамично развивающихся регионов России. Однако не менее вероятно и то, что специфика миграции в Москву в последние десятилетия способствовала накоплению в ней определенного типа людей — социально активных, ориентированных на содержательную сторону жизни и богатство жизненных возможностей, с высоким адаптивным потенциалом. Если в Приморье ехали "за длинным рублем", то в Москву — за определенным *качеством жизни*.

Что касается жителей Южной России, то их отличительной чертой является консервативная умеренность во взглядах, большой запас терпения, приверженность патриархально-патриотическим устоям, что связано с сильными традициями казачества в этом регионе.

Свобода для жителей Ставрополя и Воронежа достаточно значима, но трактуется она прежде всего как воля. Западное понимание свободы как набора политических прав для населения этого региона не имеет особого значения. Подавляющее большинство его уверено, что все равно не может оказать никакого влияния на ход событий в стране — все решают политики. Соответственно, относительно низка и значимость самих демократических свобод.

Зато потребность в сильном лидере на Юге России весьма велика, ее выражают около 80%. Правда, это не лидер сталинского

типа, которого в этом регионе хотели бы видеть у власти в 1,5 раза реже, чем в среднем по России. Относительно высокая доля сторонников радикальных мер связана здесь не столько с "антирыночностью" сознания "южных русских", сколько с нестабильным состоянием экономики и затянувшимся военным конфликтом в Чечне. Более того, в сложившихся условиях людям зачастую оказалось трудно сделать выбор между сохранением демократических завоеваний или жесткими мерами по наведению порядка (почти 40% ставропольцев, например, так и не смогли определиться в этом вопросе).

Среди населения южного региона распространен патерналистски-конформистский тип ментальности с присущим его носителям ожиданием готовых решений и социальных гарантий сверху, низкой адаптивной способностью к переменам. На Юге России слабо выражена индивидуалистическая ориентация. Так, в Ставрополе "жить как все" предпочитали более 50% опрошенных, в то время как в Москве доля людей, придерживающейся этой установки, составляла около $1/3$.

Ментальность жителей этого региона характеризуется также относительно большей распространенностью эгалитаристских тенденций. Именно здесь шире всего распространена ориентация на общество равных доходов, хотя эгалитаристы все же не составляют большинства. Однако уравнивательные установки частично смягчаются общей терпимостью населения. Показательно в этом отношении толерантное отношение Юга России к "новым русским". В основе своей оно положительно, что в значительной степени объясняется, видимо, традиционным уважением к зажиточности. Недаром преобладающим негативным чувством, испытываемым по поводу чужого богатства, здесь стала зависть.

"Южные русские", при всей их тяге к "воле", гораздо более склонны подчиняться непосредственному руководству и более законопослушны, чем жители других регионов. И если в Москве готовность соблюдать устаревшие законы выразила только $1/3$ населения, то в Воронеже — более чем $1/2$ тех, кто готов был подчиняться руководителям, в Воронеже насчитывалось 40,4% при 21,3% в среднем по массиву. Как видим, правовой нигилизм охватил Юг России в гораздо меньшей степени, чем Москву.

Терпеливость и относительная пассивность населения Юга проявилась и в слабой готовности к активному протесту в случае еще больших лишений. Крайне низок и уровень агрессивности. Именно жителям Юга России чаще других свойственно испытывать чувство, что осталось потерпеть еще немного и жизнь наладится — в Воронеже так считали 70,6% опрошенных, в Ставрополе — 54,5% (в Москве 43,4%).

Совсем иная ментальность характерна для жителей Приморья, куда многие ехали раньше "на заработки". Сразу оговоримся — в

отличие от южных регионов, материальное положение жителей Приморья лучше, чем в среднем по России, даже с учетом довольно высокой стоимости жизни.

В Приморье также высока ценность свободы. При этом сама свобода понимается прежде всего как воля, а не политические свободы. Впрочем, учитывая убежденность жителей Приморского края, что демократические процедуры в стране — только видимость, что правят политики и те, у кого больше денег и власти, это вполне естественно. Убеждению в невозможности оказать влияние на происходящее сопутствует предельный правовой нигилизм. Так, только 42,5% владивостокцев готовы соблюдать законы, даже если их не будут соблюдать представители власти (по России этот показатель — свыше 70%).

Стремление к сильному лидеру приобретает здесь форму ожидания "второго Сталина", а образ самого "отца народов" имеет явно положительную окраску (почти 50% опрошенных оценили его деятельность на 4 и 5 по пятибалльной шкале, а 59,1% (максимум по массиву) согласились с суждением, что России нужен лидер сталинского типа). Наконец, очень высок в Приморье уровень агрессивности. Минимальное число людей, никогда не хотевших купить оружие, было именно во Владивостоке — 23,3% (44,4% в среднем по России). Максимальная доля сторонников ужесточения системы наказаний и упрощения процедуры судопроизводства при рассмотрении наиболее тяжких уголовных преступлений также была во Владивостоке — 67,5% опрошенных (в среднем по массиву — 35,0%).

Что касается других особенностей населения этого региона, то распространенность индивидуалистической ориентации, конформистских установок, патерналистские ожидания, эгалитарные настроения — все здесь в пределах средних по России показателей. В то же время есть две черты, которые накладывают заметный отпечаток на психологию местных жителей. Во-первых, заметно больше в Приморье людей, ориентированных на заработок, а не на содержание работы. Естественно, что в этой среде наиболее негативно воспринимают "новых русских" и особенно "новую номенклатуру". Распространенность создания сверхсостояний за счет откровенно спекулятивных махинаций, повышенная криминогенность и коррумпированность региона, где в силу удаленности и некоторой отстраненности от "центра", местная власть является полноправным хозяином, влекут за собой утрату веры в то, что честным трудом можно улучшить свое положение. Вдвое меньше, чем в среднем по массиву (17,5% против 31,1%) здесь тех, кто в случае ухудшения своего положения готов работать активнее.

Кроме того, местное население гораздо реже, чем в Москве или на Юге России, способно осознать и четко определить свою позицию. Так, не только активно-конструктивные, но и активно-деструктивные формы поведения в случае дальнейшего ухудшения собственного

положения не набирают здесь того числа сторонников, что они получили в других регионах. Зато число тех, кто не смог сказать, что он будет делать в этом случае, составило около 40%. Затруднение вызывало и определение приоритетных ценностей, и многие другие вопросы, хотя по наиболее важным социально-демографическим характеристикам состав опрашиваемых в разных регионах был идентичным. На наш взгляд, это, как, впрочем, и ожидание прихода жесткого лидера, который, даже игнорируя закон, "в бараний рог согнет" "новых русских" и позаботится о "простом народе", — свидетельство определенной маргинализированности сознания населения Приморья. Такое положение вещей значительно опасней с точки зрения открытости региона тоталитаризму, чем консерватизм аграрного Юга России.

Сделаем некоторые выводы. В результате шедших в последние десятилетия бурных процессов миграции, носивших характер своеобразной селекции, в ряде регионов России сложилось достаточно самобытное по исповедуемым ценностям и избираемым парадигмам поведения население. Возможно, недостаточная устойчивость этих образований внутри русского этноса не позволяет еще считать их окончательно сформировавшимися субэтносами, и можно лишь ставить вопрос о становлении таковых. Может получиться и так, что новые, возникшие после распада СССР, миграционные потоки приведут к формированию специфической ментальности населения других регионов и повлекут за собой начало формирования новых субэтносов. Однако в любом случае мы сталкиваемся здесь с серьезной проблемой, которая может оказать заметное влияние на будущее России в целом. И самое опасное сейчас — возможное формирование "линий напряжения" между различными субэтносами. В отдельных случаях эта напряженность находит достаточно адекватное выражение (противопоставление "южными русскими" казачества населению остальной России, хотя при этом не отрицается национальная принадлежность казаков как русских). В других случаях она осознается неадекватно и связывается не столько с социокультурными, сколько с социально-экономическими факторами.

Но в любом случае разные стремления и ожидания людей, принадлежащих к разным субэтносам, задают и разное видение ими путей дальнейшего развития России. Ярким примером такого разнообразия стали выборы в Государственную думу в декабре 1995 г., когда "демократической" Москве противостоял "красный" Юг и "красно-коричневое" Приморье. В условиях же, когда идет острая борьба за выбор Россией дальнейшего пути развития, непонимание различий ментальности составных частей русского этноса может лишь обострить проблему, которая из академической превращается в одну из острейших социально-политических проблем.